

Глава 2

Требование Фэн Юэи ничуть не удивило Ли Сюя. Однако он не стал сразу соглашаться или отказывать. Вместо этого он взглянул на часы на своём запястье, затем вежливо кивнул женщине.

— Мы с Сынянем услышали ваше требование, госпожа Фэн. Остальное обсудим после получения результатов теста. Это будет быстро.

Линь Сыняню в его нынешнем состоянии совершенно нельзя было появляться на публике, особенно для такой процедуры, как тест на отцовство. Поэтому Ли Сюй заранее вызвал сотрудников частной лаборатории на дом для взятия образцов. Судя по времени, они должны были вот-вот приехать.

Сказав это, Ли Сюй замолчал. Атмосфера в комнате стала напряжённой. Фэн Юэи, однако, слегка расслабилась: раз не отказали сразу, значит, есть о чём говорить.

Линь Сынянь, сидевший на другом диване, с холодным безразличием наблюдал за этим фарсом, не удостоив их даже взглядом. Он ждал, пока приедут лаборанты, возьмут у него кровь, а потом, зевнув, бросил своему менеджеру: «Разберись с этим», — и собрался уйти в спальню.

Но его остановил внезапно раздавшийся детский плач — мягкий, нежный, с характерными молочными нотками. Повинуясь внезапному порыву, Линь Сынянь обернулся и увидел маленького карапуза, который изо всех сил прятал ручки за спину, не давая к ним притронуться.

Малыш, который с самого начала тихо сидел на руках у Фэн Юэи, почти незаметный, теперь смотрел на всех заплаканными глазами. Он никак не мог понять: он же вёл себя хорошо, почему взрослый всё равно хочет уколоть его иголкой?

Даже когда человек в белом халате, выглядевший немного странно, взял его за ручку, он с детским любопытством разглядывал предмет в его руках.

Сознание Фэйфэя только-только полностью восстановилось, и он почти не помнил, что было раньше, в младенчестве. Сейчас он был похож на маленького зверька, который робко протягивает мохнатую лапку, чтобы исследовать мир, и всё вокруг вызывало у него живейший интерес.

Однако его первая попытка познания мира обернулась весьма «трагично».

— У-у-у... — Фэйфэй вырвал ручку и спрятал её за спину.

Лаборант, не ожидавший такого, растерялся. Но он не решился применять силу — дети в таких семьях избалованные. Он лишь беспомощно обратился к взрослым:

— Он дёрнулся, игла выскочила. Придётся колоть ещё раз.

Фэйфэй был наивен, но не глуп. Услышав это, он широко распахнул свои и без того круглые, как бусины, глаза и попытался убежать. Не сумев, он забился в щель между диваном и стеной.

Сотруднику лаборатории не раз приходилось видеть, как дети боятся уколов, плачут и капризничают. Обычно, хоть он и не показывал вида, внутри у него всё кипело от раздражения.

Но сегодня было что-то не так. Глядя, как этот малыш боится и не хочет сотрудничать, он не чувствовал досады. Наоборот, ему казалось это милым. Когда ребёнок плакал, сердце сжималось от жалости, и хотелось пожалеть его ещё больше.

«Наверное, потому что этот малыш невероятно хорошенький», — подумал он. За все годы он не видел ребёнка с более тонкими и прелестными чертами лица.

Один из мужчин, стоявших ближе, уже было шагнул, чтобы успокоить ребёнка, но не успел. Женщина грубовато вытащила милого, как нефритовая статуэтка, малыша из-за дивана и с нетерпением протянула его руку лаборанту.

— Не бойся, малыш, — мужчина, который должен был взять кровь у Фэйфэя, постарался изобразить самую добрую улыбку, заговаривая его, чтобы отвлечь.

На обычных детей это, может, и не подействовало бы, но на Фэйфэя — очень даже. Вскоре его внимание было полностью поглощено говорящим лаборантом.

Укол!

На этот раз Фэйфэй дёрнуться не смог. Его руку крепко держала Фэн Юэи.

Когда лаборант закончил, взял образец крови и убрал его, малыш уже рыдал навзрыд, всхлипывая. Его влажные глазки и покрасневший носик выглядели донельзя жалко.

Даже Линь Сынянь, который всё это время стоял в стороне, переменялся в лице. Не обращая внимания на изумлённый взгляд своего менеджера, он подошёл, забрал плачущего малыша у Фэн Юэи и унёс в спальню.

Ли Сюю нужен был тест ДНК, но Линь Сынянь, едва взглянув на Фэйфэя, понял — это его ребёнок. Он был на пять-шесть десятых похож на его племянника в детстве.

А раз это его ребёнок, что такого в том, чтобы уложить его спать вместе с собой?

Линь Сынянь внешне казался холодным, но на самом деле он обращался с ребёнком куда профессиональнее, чем Фэн Юэи. Одной рукой поддерживая спинку, другой — попку, он нёс его так уверенно, что Фэйфэю больше не нужно было цепляться за воротник.

Ли Сюй опешил от такого поворота. Что это значит? Он хочет забрать ребёнка? Когда это в Линь Сыняне проснулся отцовский инстинкт?

Сотрудники лаборатории ушли, пообещав предоставить результат примерно через три часа. В гостиной остались только Ли Сюй и Фэн Юэи.

— Присаживайтесь, госпожа Фэн. Подождём.

В спальне же выяснилось, что Линь Сынянь на удивление хорошо умеет обращаться с детьми.

Сначала он несколько минут прижимал ватный тампон к месту укола на ручке малыша, убедился, что кровь остановилась, а затем заклеил ранку водонепроницаемым пластырем. После этого он снял с Фэйфэя одежду, которую тот носил уже несколько дней, и искупал его в ванне дочиста.

Завернув в полотенце и высушив волосы, он потрогал мягкий животик малыша — тот был совсем плоским. Тогда он достал из термошкафа бутылочку с молоком и вложил её в руки ребёнка. Малыш тут же заулыбался, зажмурив глазки, и, болтая ножками, с аппетитом принялся пить.

Всем этим навыкам он был обязан роли отца в одном из своих фильмов. Профессионализм требовал, чтобы он досконально изучил тему, и в то время он действительно прочёл немало книг по уходу за детьми.

Малыш пил быстро, с жадностью. Видно было, что сильно проголодался.

— Папа, — Фэйфэй протянул пустую бутылочку Линь Сыняню и погладил себя по животику. Это означало: «Я не наелся, хочу ещё».

Линь Сынянь взял бутылочку, но не стал сразу же наливать новую порцию. Вместо этого он прикоснулся пальцем ко лбу Фэйфэя и тихо спросил:

— Знаешь, что я твой папа?

— Папа, обними, — малыш протянул к Линь Сыняню ручки. Людям нужен тест на отцовство, а у мифических зверей есть свои, особые способы узнавать родню.

Они узнают по запаху.

Сам не зная почему, Линь Сынянь, чьё настроение обычно было подавленным, в общении с Фэйфэем почувствовал, как мрак рассеивается. Впервые после того ужасного случая ему стало так легко.

— Да, я твой папа. Ты правильно сказал. — Он легко подхватил малыша, который всё ещё ждал с протянутыми ручками. У него не было одежды такого маленького размера, так что придётся Фэйфэю пока спать, завёрнутым в полотенце.

— Поспим с папой. — Линь Сынянь чувствовал, что ему нужно воспользоваться этим редким моментом душевного покоя и попытаться уснуть, иначе через некоторое время бессонница снова вернётся.

Малыш, сытый и довольный, был полон энергии и спать сначала не хотел. Но постепенно, под мерное похлопывание Линь Сыняня, его веки отяжелели, а ресницы, густые, как веера, затрепетали.

В итоге он уснул даже быстрее, чем Линь Сынянь. Тот с усмешкой посмотрел на него: «Вот ведь дети, засыпают вмиг, а только что капризничал». Затем он закрыл глаза и, притянув к себе тёплый, пахнущий чистотой комочек, который он сам же и отмыл, тоже погрузился в сон.

Через три часа Ли Сюй постучал в дверь, сообщив, что результаты теста готовы.

— Результат положительный. Это действительно твой ребёнок, — сказал Ли Сюй.

Линь Сынянь кивнул, ничуть не удивившись. Он не стал будить сладко спавшего малыша.

— Адвокат Чу приехал? — спросил он.

Ли Сюй кивнул.

— Приехал. И привёз все документы, которые ты просил подготовить.

Только после этого Линь Сынянь вышел из спальни и спустился в гостиную.

— Госпожа Фэн, согласно этому договору, если вы подписываете отказ от родительских прав и права на встречи с ребёнком, эти пятьдесят миллионов — ваши.

Адвокат Чу Иян, выступавший от лица Линь Сыняня и в качестве свидетеля, положил перед Фэн Юэи договор и чек.

Этот договор Линь Сынянь и Ли Сюй уже видели. Ли Сюй, в общем-то, был согласен с таким подходом. В руках Фэн Юэи ребёнок был бы просто дойной коровой: закончились деньги — пришла к Линь Сыняню и потрясла. Так не пойдёт.

Даже если у Линь Сыняня есть деньги, это не повод так их тратить. Человек, пристрастившийся к азартным играм, — это бездонная яма, которую невозможно заполнить.

— Отказаться от родительских прав? Это невозможно! — Хотя Линь Сынянь проявил щедрость и даже добавил тридцать миллионов, дураку было понятно, что это разовая сделка. Увидев, как Линь Сынянь отнёсся к Фэйфэю, Фэн Юэи уже размечталась о том, как выйдет за него замуж.

Единственное, что её беспокоило, — это то, что Линь Сынянь мог обнаружить, что ребёнок — «дурачок», с проблемами в развитии.

Именно поэтому она столько лет не искала встречи с Линь Сынянем. Она думала родить ребёнка, немного подрастить, привязать к себе, чтобы он без мамы не мог. А потом отдать Линь Сыняню. Ребёнок будет скучать по маме, не могут же они запретить ему видеться с ней?

Она — мать его ребёнка, он — отец. Даже если Линь Сынянь презирает её за попытку ухватиться за богатого мужчину, со временем чувства могли бы появиться.

У Линь Сыняня было несколько романов, но ни один не закончился свадьбой. Она — мать его ребёнка, так что их брак был бы логичным шагом, не так ли?

С такими мыслями она была на седьмом небе от счастья, когда узнала о беременности. До года она действительно заботилась о ребёнке, но потом заметила неладное. Поход к врачу подтвердил её опасения: диагноз звучал как умеренная умственная отсталость и заторможенность реакций.

Она родила дурачка! Из-за ребёнка ей теперь было трудно выйти замуж. Но и отдавать его в приют она не хотела.

То, что Линь Сынянь был готов дать ей пятьдесят миллионов, было, по сути, очень щедро. Но аппетит приходит во время еды. Получив пятьдесят, она вдруг захотела большего.

Однако Линь Сынянь не дал ей такой возможности.

— Либо вы подписываете, либо я сейчас же звоню в казино и сообщаю им, где вы находитесь.

Он не предлагал ей выбор, а лишь ставил в известность.

Фэн Юэи задрожала, но попыталась сохранить самообладание.

— Ты... ты не боишься, что я расскажу об этом прессе?

Линь Сынянь холодно посмотрел на неё.

— Можете попробовать. Не хотите денег — будем судиться.

Искушение в пятьдесят миллионов было слишком велико. Видя, что Линь Сынянь непреклонен и не оставляет ей пространства для манёвра, Фэн Юэи, испугавшись остаться и без денег, и без ребёнка, в конце концов подписала договор и забрала чек.

Когда вечером Фэйфэй проснулся, Линь Сынянь носил его на руках по гостиной. Малыш растерянно оглядывался.

— Где мама?

— Мама уехала играть, — ответил Линь Сынянь.

В каком-то смысле он не соврал. Фэн Юэи, получив деньги и переведя их на счёт, первым делом отправилась в казино, чтобы расплатиться с долгами.

Глава казино увидел её и подумал: «О, какая жирная овца! Двадцать миллионов вернула как ни в чём не бывало. Такую нельзя упускать».

Неизвестно как, но Фэн Юэи снова оказалась за игровым столом. Вначале она помнила о прошлом горьком опыте и старалась держать себя в руках, делая небольшие ставки. Но, почувствовав вкус лёгкой победы, она снова потеряла голову. Ставки росли.

Она забылась в угаре игры, бросая на кон тысячи. Это приносило ей радость. И именно потому, что она чувствовала радость, она снова и снова погружалась в этот омут.

Сколько людей в этом мире медленно увядают в ежедневной тоске и отчаянии...

С этой точки зрения, это был поистине искажённый и полный безысходности мир.

Никто не знал, что именно пошло не так в долгой истории человеческой эволюции, но люди в этом мире постепенно теряли способность чувствовать радость.

В детстве это было не так заметно, но чем старше они становились, тем труднее им было испытывать счастье.

К каким последствиям приводит потеря способности радоваться?

Подавленность, апатия, существование, подобное зомби? Любой, кто находит хоть крупицу радости, будет цепляться за неё изо всех сил.

Поэтому те, кто нашёл способ получать удовольствие, неважно, правильный он или нет, были, прежде всего, счастливыми.

<http://bllate.org/book/13654/1580629>